

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-391-410>

<https://elibrary.ru/VGUVDZ>

КУЛЬТУРА ФРАНЦИИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАЧАЛА XX В. В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.М. БИЦИЛЛИ

© 2024 г. Л.А. Сыченкова

Аннотация: В статье рассматривается концепция французской культуры в творческом наследии П.М. Бицилли. Доказывается, что положения работ П.М. Бицилли 1930 х гг. для понимания французской культуры имеют не только историческое, но и теоретико-методологическое значение. Благодаря прекрасному знанию конкретной истории Франции П.М. Бицилли удалось выявить типологические черты французской культуры. Русский ученый предложил оригинальное объяснение лидерству Франции в истории европейской культуры. Вывод П.М. Бицилли о том, что главным условием целостности культуры Франции была непрерывность на протяжении «восьми столетий царствования одной династии», свидетельствовал о блестящем владении методом синтетического анализа прошлого. Констатируя в середине 1930 х гг. важный «рубеж» в культурной истории Франции, П.М. Бицилли предостерегал об опасности культурного сепаратизма, культурных революций и радикальных смен культурных ориентиров. Теория культуры П.М. Бицилли, основанная на синтетическом осмыслении культурного опыта Франции, как это часто бывало, осталась невостребованной культурными практиками и политиками.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, 1930 е гг., культурная история Франции, цивилизация, синтетический метод, факторы целостности культурной истории, наследие, опасности культурного сепаратизма.

Информация об авторе: Лидия Алексеевна Сыченкова — доктор исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, д. 18, 420080 г. Казань, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9420-1206>

E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

Для цитирования: Сыченкова Л.А. Культура Франции: от средневековья до начала XX в. в творческом наследии П.М. Бицилли // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 391–410.
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-391-410>

Research Article

CULTURE OF FRANCE: FROM THE MIDDLE AGES TO THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN THE CREATIVE HERITAGE OF PIOTR BITSILLI

© 2024. Lydia A. Sychenkova

Abstract: The article deals with the concept of French culture in the creative heritage of Piotr M. Bitsilli. It is proved that the provisions of Bitsilli's works of the 1930s have not only historical, but also theoretical and methodological significance for understanding French culture. Thanks to his excellent knowledge of the specific history of France, Bitsilli was able to identify typological features of French culture. A Russian scholar offered an original explanation for France's leadership in the history of European culture. Bitsilli came to the conclusion that the main condition for the integrity of French culture was immutability during the "eight centuries of one dynasty's reign", which testified to his brilliant synthetic analysis of the past. Stating in the mid-1930s an important "milestone" in the cultural history of France, Bitsilli warned of the danger of cultural separatism, cultural revolutions and radical changes of cultural orientations. Bitsilli's theory of culture, based on a synthetic understanding of the cultural experience of France, as it often happened, remained unclaimed by cultural practitioners and politicians.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, 1930s, cultural history of France, civilization, synthetic method, factors of integrity of cultural history, heritage, dangers of cultural separatism.

Information about the author: Lydia A. Sychenkova, DSc in History, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St. 18, 420080 Kazan, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9420-1206>

E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

For citation: Sychenkova, L.A. "Culture of France: From the Middle Ages to the Beginning of the 20th Century in the Creative Heritage of Piotr Bitsilli." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 391–410. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-391-410>

Проблема французской культуры в творчестве П.М. Бицилли занимает особое место. Почему Бицилли обратился к теме французской культуры в 1934 г.? Он увидел во Франции, с одной стороны, типичные симптомы культурного кризиса, а с другой стороны, — образец развития для всей европейской культуры.

Наша попытка выявить в наследии Бицилли образ французской культуры на основании его размышлений носит характер гипотетического конструирования. Бицилли не ставил задачи написать специальное исследование о культуре Франции. В публикациях российского историка на эту тему рассматривался широкий круг культурно-исторических и теоретико-культурных проблем: национальной ментальности, периодизации культурных эпох, подъема и кризиса культуры Франции. Бицилли определял особенности типологии французской культуры прежде всего в тех областях, где французам удалось преуспеть больше всего: живопись, архитектура, литература.

Факты, персоналии разных эпох вкраплены Бицилли в общую концепцию осмысления феномена французской культуры. Ученый осмысливал историю французской культуры, следуя принципу культурно-исторического синтеза. «Каждый культурный период имеет свою философию культуры» [10, с. 397], — констатировал ученый. Вот эту философию культуры Франции в каждый отдельный период он и пытался сформулировать.

Бицилли любил французскую культуру, отмечал ее значительное место в системе европейской культуры. Несомненно, еще в 1913–1914 гг. он смог воочию увидеть многие памятники французской

культуры в подлинниках, хотя до сих пор не обнаружено путевых дневников его заграничных поездок. Сохранилось признание в книге «Элементы средневековой культуры»:

Тот, кому случалось бывать в Европе, посещать музеи изящных искусств и старые церкви, конечно, помнит о тех странных впечатлениях, которые вызывали картины старинных мастеров [16, с. 4].

Бицилли обращался к истории французской культуры, для того чтобы понять современную ситуацию:

...жизнь течет сплошным и непрерывным потоком, — и лишь потому, что, сравнивая настоящее с прошлым, мы, в сущности, сравниваем то, что нам непосредственно дано со схемами нашего умерщвляющего живую ткань истории, упрощающих, упорядочивающего сознания, прошлое нам кажется проще, понятнее, свободнее от противоречий, нежели настоящее [10, с. 398].

Почему для Бицилли было важно осмыслить путь, пройденный французской культурой, именно в середине 1930 х гг.? Вероятно, он интуитивно ощущал современную культурную ситуацию, как важный «рубеж» в культурной истории Франции:

Наше время есть время свершений, подведения итогов, окончательного выяснения того, что в колоссальном, необъятном, бесконечно разнообразном наследстве, завещанном нам веками культурной работы европейского человечества, действительно живо, поскольку обладает вечной ценностью, и что мертво время, когда каждый живущий сознательной жизнью человек смутно или отчетливо сознает, как долг совести, необходимость выбора из всей массы того, что ему досталось, как единственно возможного условия спасения от духовной смерти, возрождение, восстановления культуры [10, с. 405].

Для ученого было совершенно ясно, что наступил момент перелома в сознании, после которого культура будет развиваться как-то иначе, в другом направлении. Бицилли, как и многим людям в 1930 е гг. казалось, что в это время происходит распад единства, целостности, преемственности в ментальности, которым французы так гордились. Осмысливая кризис культуры после Первой мировой войны, предчувствовал ли Бицилли в середине 1930 х гг. надвигающую катастрофу Второй мировой войны, ужас антикультуры

в распространяющейся идеологии фашизма, будущие угрозы национальной идентичности под влиянием американизации, последствий деколонизации, губительную стратегию мультикультурализма? Вряд ли ученый загадывал так далеко. Бицилли имел намерение прежде всего разобраться в современной ему ситуации, чутко уловив тенденцию завершения какого-то длительного и важного периода культурной истории Франции.

Осмысливая историческое прошлое французской культуры, русский историк попытался выяснить и определить ключевые моменты, обеспечившие ей целостность и преимущества, которые дали возможность однажды возглавить культурное развитие Европы, стать центром притяжения для всего культурного мира.

Место работ П.М. Бицилли в историографии французской культуры

Оценки и суждения о французской культуре разбросаны в работах Бицилли «Элементы средневековой культуры» [16], «Место Ренессанса в истории культуры» [9], в учебнике по всеобщей истории для сербов 1923 г. [21], в рецензиях на французские издания [13; 14] и особенно в его статье «Оазис», опубликованной в парижском журнале «Современные записки» в 1934 г. [10].

В статьях Бицилли встречается много упоминаний и оценок представителей французской культуры, начиная с эпохи Средневековья до Новейшего времени. Преимущественно «героями» его работ были французские философы и литераторы, редко музыканты и художники. Среди представителей средневековой культуры русский историк уделял внимание П. Абеляру, Гийому Овернскому, Гуго Сен-Викторскому, Жану де Жуанвилю, Григорию Турскому, Раймунду Луллию. Не менее ярок список личностей эпохи Ренессанса на страницах работ Бицилли: Франциск I, Ж. Воклен де ла Френэ, П. Корнель, Н. Буало, П. Беранже, М. Монтень. Культура эпохи Просвещения и классицизма рассматривалась им в связи с такими фигурами, как Мольер, Ш. Мотескье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Ж. Мишле. Среди деятелей культуры XIX и XX вв. Бицилли выделял И. Тэна, Э. Ренана, Ш. Пегги, П. Валери, Г. Флобера, А. Бергсона, А. Жида, М. Пруста, А. Франса, Ж.-П. Сартра¹.

¹ Некоторые представители французской культуры XIX–XX вв. упоминаются в работе Бицилли «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» [7, с. 483–549], а также в статье Б.С. Кагановича [3].

В российском гуманитарном знании до 1930 х гг. не было специального сочинения, посвященного типологическому анализу французской культуры. В дореволюционной традиции были исследования отдельных сюжетов и персоналий французской культуры: П. Абеляра, Маргариты Наваррской, К. Маро, поэтов «Плеяды», Ф. Рабле в работах А.Н. Веселовского, Г.П. Федотова, В.Ф. Шишмарева, С.Н. Арсеньева. В советской России тема французской культуры за редким исключением [2, с. 115–143] долгое время оставалась невостребованной². Конечно, было бы интересно сопоставить взгляды Бицилли на французскую культурную историю с конкретно-историческими исследованиями, проводимыми примерно в это же время ленинградским искусствоведом И.И. Иоффе [17], чтобы выявить разницу подходов³. Исключение составляет труд М.М. Бахтина, обратившегося в 1930 е гг. к творчеству Ф. Рабле и народной культуре позднего Средневековья во Франции. Бицилли следил за творчеством этого автора [11]. Но книга М. Бахтина о французской культуре была ему неизвестна⁴. С другой стороны, Бицилли не были известны и публикации французских медиевистов «школы Анналов», которые занимались параллельно культурологическими исследованиями.

Бицилли рассматривал феномен французской культуры как часть западноевропейской культуры — и в этом специфика его анализа. Это был тот редкий случай в российской историографии, когда русский ученый осмысливал путь французской культуры глазами историка, находящегося вне России, в пространстве европейской культуры. В статье «Оазис» (1934) Бицилли почти не встречается попыток проводить сравнения или какие-то параллели с русской культурой. И все-таки одно важное типологическое сравнение при-

² Исследования О.А. Добиаш-Рожественской в 1930 х гг. о средневековой культуре Франции не оказали влияния на развитие советской медиевистики. Часть ее статей по этой тематике была опубликована только посмертно в 1987 г. [17; 4]. Кстати, труды О.А. Добиаш-Рожественской высоко ценил Бицилли и по возможности следил за ее творчеством.

³ Предварительно можно сказать только то, что авторы обращались к одной проблеме на разном материале и с разных методологических подходов. Бицилли рассматривал французскую культуру преимущественно в литературно-философском аспекте. И.И. Иоффе осмысливал способы музейной презентации изобразительного искусства Франции в широком социокультурном контексте.

⁴ Книга М.М. Бахтина была плодом герметичных изысканий автора и долгое время оставалась неопубликованной, поэтому о влиянии ее концепции на эмигрантское наследие Бицилли говорить не приходится (см.: [5, с. 581–588]).

сутствует: «Франция — антипод России, страны “чистой культуры”» [10, с. 408].

Культура и цивилизация

По мнению Бицилли, во Франции культура и цивилизация переплетены, не случайно во французском языке эти понятия синонимичны. «Противопоставление Культуры и Цивилизации стало сейчас настолько общим местом», — замечает он [7, с. 40]. Как спасти культуру от негативных последствий цивилизации? И что является гарантией сохранения культуры?

В 1934 г. на страницах парижского журнала «Новый Град» Бицилли отмечал:

Чем древнее, чем устроеннее культура, тем более похожа на нее порожденная ею цивилизация (классический пример: Франция, где до сих пор культура и цивилизация покрываются общим термином — *civilisation*). Именно то, что соскальзывание культуры в цивилизацию совершается в Европе медленно, по чуть заметному уклону, усугубляет тревогу чутких и дорожащих культурой людей и обостряет их мнительность. Им начинается казаться, что культуры вообще уже нет, что осталась одна лишь ее видимость. <...> Но от этого симбиоза культура Франции не вырождается, не утрачивает жизненной силы, или, что тоже, своей трагической основы, т.е. способности терзаться своими внутренними противоречиями и честно и мужественно искать из них выхода [8, с. 46].

Какие преимущества и особенности духовного развития Франции удалось выявить Бицилли? Русский историк отметил ее важные открытия и достижения, вклад в мировую культуру. Он, безусловно, восхищается целостностью французской культуры, совершенством и отточенностью форм, которые особо выделяли ее на фоне других европейских культур в XIX–XX вв., богатством культурных событий в каждую эпоху (то, что искусствовед М.Ю. Герман называл «напоенностью культурой» [1, с. 8]).

Бицилли выделил главные этапы в истории французской культуры с момента зарождения и оформления в единый тип, со своей картиной мира, системой ценностей и мирозерцания. Русский историк поставил важный вопрос о том, что объединило культуру и нацию во Франции?

Проблема периодизации истории культуры

П.М. Бицилли выдвигает тезис: уникальность культурной истории Франции заключается в ее *непрерывности*. Русский ученый назвал факторы, способствовавшие сохранению целостности французской культуры: *географический, историко-политический и религиозный*. Бицилли выражал категорическое несогласие с

...официозной, сложившейся за период Третьей Республики, исторической вульгаты, согласно которой Франция обрела самое себя, нашла свое собственное лицо только начиная с 1789 г., так что, с точки зрения оценивающей, осмысливающей истории, все предыдущее было как бы подготовкой, или сплошной «ошибкой», относится к плану доисторического бытия.

На самом деле нет в Европе народа, который бы развивался столь органически, с такой непрерывностью, как французский, который бы так мало растерял на своем историческом пути и так много сохранил в неприкосновенности.

<...> Здесь сказалось действие на редкость счастливой комбинации разнообразнейших, и зачастую друг от друга не зависевших, и в этом смысле случайных, условий, в конечном итоге содействовавших формированию того, что мы зовем народной душой [10, с. 402].

Выделив *географический фактор* как условие формирования единой ментальности, Бицилли замечал:

1) Франция находилась (говоря в прошедшем времени, ибо реальное пространство величина переменная) дальше, чем Италия, от Леванта и дальше, чем Испания и Англия, от «обеих Индий»; 2) области Франции экономически восполняли одна другую. В итоге — сосредоточение Франции в своих границах, сотрудничество населения отдельных земель, «автаркия» [10, с. 402].

Что он имеет в виду? То, что Францию не затронули эти внешние угрозы восточных завоеваний, которые затронули Россию и другие страны Европы.

Вторым фактором единства Бицилли называл устройство внутриполитического порядка во Франции, —

...непрерывное, в течение восьми столетий царствование одной династии, сросшейся с Францией, собравшей ее около себя, воплотившей ее в себе.

В общем итоге — выработка уже в начале XVI в., над местными наречиями, на основе северофранцузских, общего языка, не только «изящного», придворного, литературного, как в Италии, но и еще раньше, делового, канцелярского, проникающего глубже в народную толщу [10, с. 402].

Единый язык стал важным условием монолитности французской культуры. В истории этой страны не случилось разделения между культурой аристократии и народа, как это случилось с русской культурой, разделившейся на «дворянскую» и «народную», представители которой говорили на разных языках.

Отношение к вере и церкви во Франции

Национально-государственное бытие Франции было настолько прочно, что папство не могло представлять для нее никакой, ни реальной, ни воображаемой опасности — как для Германии или для Англии. Франция переболела кальвинизмом и выздоровела, укрепив свою целость и свою автаркию «вольностями галликанской Церкви», но оставшись католической. Непрерывный, медленный, «органический» рост территориального, хозяйственного, языкового, правового единства Франции, не возмущаемый никакими сколько-нибудь глупо потрясавшими народную жизнь взрывами, выразивший особенно наглядно свой характер [10, с. 402–403].

А главное, в культурной истории Франции благодаря географическим, религиозным, политическим факторам сохранялась преемственность поколений, культурные богатства накапливались, складывалась ментальность «среднего француза».

В истории учреждений — *ничто никогда не отменялось, не упразднялось начисто*; только, наряду с устаревшими учреждениями, должностями, территориальными делением, в случае нужды создавались новые, конкурировавшие с первыми; отсюда невероятная путаница накануне Революции, — был одним из важнейших факторов, воздействовавших на *формирование душевного склада «среднего» француза*, с его бережливостью, осторожностью, боязнью прогадать, просчитаться, с его подозрительностью, недоверчивостью, привычкой действовать не спеша, и с оглядкой, — со всеми теми «мелкобуржуазными» свойствами, которые были издавна предметом насмешек со стороны самих же французов, но благодаря которым Франция вела

и ведет и свое, так сказать, духовное хозяйство так благоразумно и так мудро, что в моменты — духовных кризисов, у нее всегда оказывается достаточно ресурсов, чтобы перебиться и оправдаться.

Поразительны живучесть и устойчивость французской культуры: *ни одного пустого места в ее истории, ни одного случая упадка в какой бы то ни было области, за исключением только поэзии в XVIII веке* [10, с. 403].

Среди значительных достижений французов в духовной сфере в XVIII в. Бицилли отметил расцвет французской рационалистической культуры и развитие национального языка.

Расцвет французской рационалистической культуры связан с политическим первенством «Короля-Солнца» в Европе. Это превосходство обеспечило, само по себе, распространение французской культуры. Но решающая роль принадлежала французскому языку, который, под влиянием рационализма, обрел необыкновенную совершенность, выразительность и ясность, а также и *картезианству*, вскоре ставшим доступным для всей философии «здорового смысла» (*la saine raison*), т. е. философии Просвещения [21, с. 178].

В бициллевскую характеристику французской культуры в III книге «Эпоха Просвещения» учебника по Всеобщей истории для сербов («Увод у светску историју» 1923 г.) было вкраплено много положений о том, как складывались представления о культуре в среде литераторов XVII и XVIII вв.:

Они считали, что культура, по сути своей, никогда не изменяется, а может только «улучшаться» или «ухудшаться». Спор этот продолжался в течение почти всего XVIII в. [10, с. 403].

Сами литераторы отмечали, что

французская литература вошла в состояние явного упадка, так, например, трагедии XVIII в. не могли равняться с пьесами Расина, что начал «портиться» «хороший» вкус.

Придерживались мнения о том, что искусство уже *достигло своего «верха»*, но это не означало, что в исторической жизни вообще не было «прогресса», просто, что его суть — в распространении «здоровых разумений» и освобождении от «суеверий» и «предрассудков» [21, с. 183].

Высокую оценку Бицилли давал вкладу Вольтера в осмысление целостности французской культуры. Сочинение Вольтера «*Essai sur les Moeurs*» (1756) он рассматривал как

первую книгу, в которой излагается история *всего* культурного мира, не ограничиваясь культурными народами Европы. Кроме того, Вольтер первым написал *синтез* истории, отслеживая культурные явления в связи с политическими событиями [21, с. 196]

Бицилли описывает картину французской культуры эпохи Просвещения большими мазками, создавая типологический образ, который можно дополнять фактами и деталями. Особое внимание он уделяет объяснению причин неудачи религиозной реформы во Франции:

Большинство французов — не только простые люди, но и образованные буржуа — все остались верными католиками; <...> так что «возвращение» Франции к католицизму во времена Наполеона произошло совершенно естественно и, так сказать, «органическим» образом. Вера в человечество проникла и в другие не менее важные интеллектуальные направления. <...> Руссо создал этот идеал «чувствительного» и «гуманного» человека и в то же время и «чистого», «почтенного» и «строного» республиканца, ставшего, так сказать, официальным идеалом каждого «хорошего патриота» 1893 г. [21, с. 197].

По сути, Бицилли в разных работах, где затрагивал проблемы французской культуры, поднял важную тему о формировании идеала человека, гражданина своей страны, который определяет национальное самосознание народа.

Культура Франции XIX – начала XX вв.

Для культуры конца XIX в. характерна лихорадочная смена стилей, направлений в искусстве, в литературе и в моде. Видимые перемены отражали глубинные перемены в культуре. Бицилли отметил и ряд негативных моментов, которые привели к кризису. Он анализирует точку зрения Ж. Гурвича на то, что «прогресс “наук и искусств”, которым сопровождается развитие индустрии и торговли, куплен дорогой ценою падения нравов и нравственности» [14, с. 94–95]. Осознание масштабного кризиса культуры и его объясне-

ние происходило в творчестве М. Пруста, А. Жида, А. Франса и других французских писателей.

Бицилли обращался к разбору рефлексий французов о состоянии своей культуры:

Культура в силу определения предполагает какое-то — существенно человеческое свойство; но это — не то же самое, что современная тревога, *inquiétude*, страх за культуру, ощущение какого-то органически ей присущего не совершенства, а так сказать неблагополучия, ее внутренней обреченности, того именно, что служит источником всяких психоаналитических упражнений над нею. <...> Это и есть нынешняя «болезнь века», *mal de siècle*, *Weltschmerz*⁵, что роднит наше время с периодом романтизма. Но, как тонко заметил один из философов культуры⁶, нынешняя *inquiétude* все же не то, что романтическая «болезнь века» [10, с. 397].

Бицилли обратился к творчеству Флобера и Пруста, пытаясь установить связь между ними. По мнению Бицилли, Пруст и А. Жид — два аспекта новейшего гуманизма в его исходной стадии.

Имморалистический морализм Жида — восполнение бесчеловечного гуманизма Пруста. Пруста мучила проблема, что есть человек. Жида — чем должен быть человек. Пруст отделяет «внутреннего» — подлинного — человека от «внешнего». Пруста мучила проблема, что есть деятель, познаваемый всецело тишь в действии [10, с. 400].

Исключительная сложность задачи выяснить сущность современной культуры состоит в том, что преодоление ее кризиса протекает на путях использования тех самых духовных установок, которые этот кризис обусловили, тех духовных тенденций, в преобладании которых он и состоит, — так что в каждом отдельном случае чрезвычайно трудно сказать, с чем собственно мы имеем дело — с тем ли, что мы зовем кризисом, или с его преодолением, с выходом из него [10, с. 397–398].

Доводя свой анализ истории французской культуры до середины 1930 х гг., Бицилли правомерно ставит актуальный для всех гумани-

⁵ *Weltschmerz* (нем.) — мировая скорбь.

⁶ Имеется в виду Андре Берж и его сочинение «Дух современной литературы» («*L'Esprit de la littérature moderne*», 1930).

тариев вопрос: что такое «настоящее» или — что такое «современность»? Как хронологически определить это «настоящее»? Практически все историки испытывают трудности при оценке новейших событий, так как процессы не завершены и невозможно беспристрастно воспринимать факты. Бицilli приближался к зыбкому краю: он осмысляет историю французской культуры вплоть до первых десятилетий после первой мировой войны и берет на себя смелость оценивать близкое время.

Совершенно справедливо Бицilli считал, что Первая мировая война — это отражение кризиса европейской культуры, который начался гораздо раньше:

Возьмем ли мы, в качестве условной вехи, войну? Это как будто само собою навязывается. Но война ли породила столько кризисов? [10, с. 398].

Он утверждал, что кризис

...в скрытом состоянии, существовавшем еще до войны; <...> уже тогда <...> был почувствован и осознан как духовная смерть демократии теми, чье влияние в наши дни сказывается все больше [10, с. 398].

Кризисное сознание Франции отразили в своих произведениях Ш. Моррас, Ш. Пэги, А. Франс.

И непосредственно перед войною кризис вступает в новую стадию, достигает высшей точки, являющейся вместе началом его изживания. Здесь можно указать точную дату — 1913 год, год выхода первого тома «*À la recherche du temps perdu*»⁷[10, с. 398].

Современную культуру Бицilli считает бездушной, с антигуманной духовностью.

Франция как центр европейской культуры

В начале XX в. среди историков искусства и философов обсуждалась идея перемещения культурного центра. Для многих мыслителей, рефлексирующих по поводу европейского культурного прошлого, актуальным был вопрос о том, какая страна, нация

⁷ Имеется в виду роман М. Пруста «В поисках утраченного времени».

сможет возглавить культурное развитие западного мира. Исследовались причины того, что способствует культурному возвышению регионов, стран и наций. К этой проблеме обращались в советской историографии 1920–1930 х гг. В.М. Фриче, А.В. Луначарский и Ф.И. Шмит, в западной историографии — И. Тэн, Я. Буркхардт, А. Фуллье, А. Золя, О. Шпенглер.

Не все представители европейского гуманитарного знания одинаково хорошо относились к французам. Так, французский философ А. Фуллье (1838–1912) в книге «Психология французского народа» (1898) приводил курьезное высказывание о французах немецкого философа А. Шопенгауэра: «В некоторых частях света водятся обезьяны, в Европе же водятся французы, что почти одно и то же» [18, с. 298]. Такая ироничная оценка формировала отношение к французской нации и культуре в европейском обществе вплоть до начала XX в.

Российский современник Бицилли — историк искусства и культуры Ф. Шмит — еще в 1916 г. предложил свое объяснение лидерству некоторых народов в определенные периоды истории культуры. Шмит назвал феномен перемещения культурных центров «законом диапазона», который означает, что определенному человеческому обществу характерно стремление к определенным художественным проблемам, а также решение и оформление этих проблем определенными художественно образными средствами [19, с. 171–172]. Свою позицию по этому вопросу он сформулировал категорично:

Не всякий народ может всякое. Есть народы, которым суждено сеять и растить, зарождать и разрабатывать новые формы искусства, — таковы классические греки и итальянцы эпохи Возрождения; есть другие, которые пожинают зрелые плоды, — таковы римляне императорской эпохи и *новые французы*; есть третьи, у которых собран богатый урожай, и они роскошно пируют в мудрых беседах, коротая долгие зимние вечера, — такова была Византия, такова, по-видимому, будет Россия [19, с. 156].

Следовательно, Ф.И. Шмит не отводил главную роль в истории культуры французам нового времени, а относил их к тем народам, которые лишь пожинают зрелые плоды. Справедливо ли высказывание?

Вероятнее всего, Бицилли бы не согласился со шмитовской оценкой «новых французов». Бицилли определял эпохи наибольшего расцвета французской культуры и объяснял причины подъема

и потенциал национальной культуры, ставшей в центре европейской культуры:

У каждого народа был свой *великий век*, момент, когда культура его достигла пределов того, — замечает ученый, — до чего вообще может она возвыситься. Такие моменты бесспорны, не допускают разногласия в оценках — стоит только узнать их. Франция пережила два таких момента. В области пластических искусств это было позднее средневековье. В области мысли и слова — XVII век. Но легче увидеть величие известного культурного периода, нежели уяснить себе, в чем это величие заключается [10, с. 405].

Бесспорное достижение художественной культуры Франции эпохи средневековья — это готика. Архитектура соборов стала вершиной французского гения. Важно отметить, что Бицилли высказался в защиту готики гораздо раньше, чем произошла реабилитация стиля в сообществе искусствоведов и историков культуры XX в.⁸ Совершенство готики признавалось искусствоведами от А. Грабара, М. Дворжака до современных американских и европейских исследователей средневекового искусства — П. Дешана, М. Дюрлиа, Ж. Бони, К. Вильсона, Л. Гродецкого, М. Обера, Э. Панофского, А. Фосийона, П. Франкля и др. Но «признание» готики, ее художественных достоинств произошло в европейском искусствознании не сразу [6].

Определяя вершины в истории европейской культуры, Бицилли приводил известные оценки:

Считалось, что всемирная история пережила четыре эпохи величайшего расцвета цивилизации: в Афинах в V в., в Риме — во время «золотой эпохи» (т. е. время Августа), в Италии — в эпоху Ренессанса, и сейчас — в *Париже Луи Великого*, Короля-Солнца. <...> Ставши однажды мировой, эта культура ни на один миг не суживалась до степени провинциальной, не переставала создавать ценности, годные для потребления не только на внутреннем рынке. <...> Нет в Европе другого народа, в истории культуры которого были бы с такою полнотою представлены — и притом во всех областях, за исключением, пожалуй, музыки — все возможные направления, мотивы, манеры, жанры, приемы; так что можно было бы написать историю эволю-

⁸ Признание первенства Франции, ее вклада в развитие готического стиля произошло после того, как были преодолены «лесные теории готики» романтика Ф.Р. Шатобриана (1768–1848) и др., приписывающие зарождение этого стиля германцам.

ции не только литературных жанров, как, этот сделал Брюнетьер⁹, но эволюцию каждой сферы творчества, ограничиваясь исключительно французскими материалами [10, с. 403].

Поиски выхода из кризиса не только для Франции, но и для Европы — плод мучительных раздумий Бицилли. Как осуществить выход их кризиса? Как начать Возрождение культуры? Этот вопрос мучил многих представителей европейской интеллигенции, после осознания кризиса в «Закате Европы» О. Шпенглера (1919). Выход из кризиса, по мнению Бицилли, — это возврат к гуманистическим ценностям, которые Европа и Франция выработали за период своего исторического развития. При этом Бицилли настойчиво подчеркивал: «Возрождения не совершаются по заказу» [9, с. 195].

В чем видел Бицилли опасность для французской культуры, как части европейского, христианского мира? В пору увлечения европейцев культурой Востока, распространением моды на восточную мистику, Бицилли считал необходимым напомнить о таящейся опасности проникновения восточной морали в Европу. Бицилли высказывался о вреде тиражирования идеализированного образа культуры Востока.

Культура может быть высокосовершенной, но *бездушной* и потому безблагодатной. Недавно в газетах приводился отзыв одного индуса об особенностях индусской психологии: индусы не знают, что такое жалость. В этом — сущность различия христианского и восточного миров. Вот почему искусство Китая, Индии, Персии, формально стоящее выше европейского, восхищая, чаруя, вместе с тем и отталкивает нас. Оно не бездуховно — противоположное утверждение было бы логической нелепостью, ибо творчество и есть самообнаружение духа: оно бездушно, бесчеловечно. Поэтому увлечение иных современных философов культуры (тот же Кайзерлинг) культурами Востока само по себе служит внушающим тревогу симптомом.

<...> Но все же душевностью запечатлены преимущественно продукты христианской культуры — и в этом состоит единство последней, то, что роднит друг с другом Бетховена, Сервантеса, Шекспира, Данте. В убывании душевности, а вовсе не в том, что наш мир «закончен» и «кончен», что уже все открыто, изобретено или предугадано, состоит кризис современной культуры [8, с. 48–49].

⁹ Брюнетьер Фердинанд (1849–1906) — французский писатель, историк, теоретик литературы, критик, католик, монархист; воспитанник и приверженец французского классицизма.

Еще одну опасность для французской культуры русский историк видел в *культурном суверенитете*. Любая изоляция для культуры губительна. Бицилли рассматривал эту проблему на материале диалектов французского языка.

Всякий «диалект» в любой момент *может* возвыситься в чин «языка», и «историческая жизнь» в любой момент *может начаться*.

<...> «Самоопределиться» значит, прежде всего, замкнуться в собственных границах, обзавестись собственными министрами, посланниками, почтовыми марками, денежными знаками и прочими подобными вещами, свидетельствующими о народном суверенитете. Вот тут-то и возникают затруднения [15, с. 63].

Взгляд Бицилли на французскую культуру — это взгляд историка культуры, обладающего не только широким кругозором, но и культурно-историческим мышлением, позволившим гуманитариям рассматривать культурные феномены сквозь призму «историзма». Осмысляя различные сюжеты и аспекты французской культуры, Бицилли оставался историком, что определяло его подход к изучению культурного наследия и тенденций современного развития литературы, изобразительного искусства, философии, языка и религии. Несмотря на то что в 1930-е гг. предметом изучения Бицилли были преимущественно произведения писателей и в качестве литературного критика он написал внушительное количество рецензий, во всех них обнаруживается профессиональный подход историка, следование принципу историзма. Только историк мог оценивать культурный опыт Франции на протяжении тысячелетия! Вывод Бицилли о том, что важнейшим условием постоянного приращения интеллектуального наследия и целостности национальной ментальности Франции была непрерывность на протяжении «восьми столетий царствования одной династии» [10, с. 402], — это вывод историка, блестяще владеющего синтетическим методом анализа прошлого.

Многие положения работ Бицилли, в которых рассматривалась французская культура, имеют как теоретическое, так и практическое значение. Ученый поставил весьма актуальный вопрос об элементах, определяющих целостность культуры, ее историческую долговечность, сформулировал рекомендации для преодоления культурных кризисов. Он предостерегал от опасности перманентных реформ в области культуры, ведущих к разрушению накопленных ценностей, от угроз культурных революций. К сожалению, его глубокие размышления о том, что развитие культуры, как и религии,

нельзя прогнозировать, культуру нельзя планировать, культурой нельзя управлять, — не были услышаны современниками. Теория культуры П.М. Бицилли, основанная на прекрасном знании истории культуры, в том числе и культурного опыта Франции, как это часто бывало, осталась не востребованной ни культурными практиками, ни политиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Герман М.Ю.* В поисках Парижа, или Вечное возвращение. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. 424 с.
2. *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья: научное наследие. М.: Наука, 1987. 350 с.
3. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как литературовед: (К постановке вопроса) // *Studia Slavica Hungarica*. Budapest, 1988. Т. 34, № 14. С. 205–222.
4. *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб: Гиперион, 2007. 241 с.
5. *Попова И.Л.* «Рабле» в 1940-е годы: несостоявшиеся издания в СССР и во Франции // *Бахтинский сборник*. М.: Языки славянской культуры, 2004. Вып. 5. С. 76–80.
6. *Хрипкова Е.А.* Общие вопросы изучения готического стиля: [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры «Русарх», 2008. URL: <http://www.rusarch.ru/khripkova1.htm> (дата обращения: 10.02.2019).

Источники

7. *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / вступ. ст. В.П. Вомперского; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 707 с.
8. *Бицилли П.М.* К проблеме возрождения культуры: (По поводу книги Кайзерлинга, *Phychanalyse de l'Amérique*) // *Новый Град*. 1934. № 8. С. 39–51.
9. *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры. СПб: Мифрил, 1996. 257 с.
10. *Бицилли П.М.* Оазис // *Современные записки*. 1934. Кн. 55. С. 396–408.
11. *Бицилли П.М.* [Рец. на кн.:] М.М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского. Ленинград, 1929 // *Современные записки*. Париж, 1930. Кн. 42. С. 538–540.

12. Биццлли П.М. [Рец. на кн.:] Н. Бердяев. Христианство и классовая борьба. Его же. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. YMCA-Press, Paris, 1931 // Новый Град. 1932. № 3. С. 87–89.
13. Биццлли П.М. [Рец. на кн.:] Bertrand de Jouvenel. Vers les Etats-Unis d'Europe. Paris, 1930, G. Valois (Bibl. Syndicaliste, XXI) // Новый Град. Париж, 1932. № 4. С. 92–93.
14. Биццлли П.М. [Рец. на кн.:] В. Groethuysen. Origines de l'esprit bourgeois. I (1927) // Новый Град. 1932. № 3. С. 93–95.
15. Биццлли П.М. Урок истории // Новый Град. 1939. № 14. С. 61–69.
16. Биццлли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 242 с.
17. Иоффе И.И. Французское искусство эпохи разложения феодализма и буржуазной революции. Очерк к выставке. М.; Л.: Ленизогиз, 1932. 94 с.
18. Фульье А. Психология французского народа. СПб.: Ф. Павленков, 1889. 310 с.
19. Шмит Ф.И. Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусств. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и сыновья, 1916. Вып. 1: Введение; Искусство Египта; Искусство Месопотамии; Искусство критско-микенское. 197 с.
20. Шмит Ф.И. Предмет и границы социологического искусствознания. 2-е изд. Л.: Academia, 1928. 147 с.
21. Биццлли П.М. Увод у светску историју. Београд: Геце Кон, 1923. 203 с.

REFERENCES

1. German, M.Iu. *V poiskakh Parizha, ili Vechnoe vozvrashchenie* [In Search of Paris, or the Eternal Return]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2005. 424 p. (In Russian)
2. Dobiash-Rozhdestvenskaya, O.A. *Kul'tura zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ia: nauchnoe nasledie* [Culture of the Western European Middle Ages. Scientific Heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 350 p. (In Russian)
3. Kaganovich, B.S. "P.M. Bitsilli kak literaturoved: (K postanovke voprosa)" ["P.M. Bitsilli as a Literary Critic: (Raising the Question)"]. *Studia Slavica Hungarica*, vol. 34, no. 14, 1988, pp. 205–222. (In Russian)
4. Kaganovich, B.S. *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka* [Russian Medievalists of the First Half of the 20th Century]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 241 p. (In Russian)
5. Popova, I.L. "'Rable' v 1940-e gody: nesostoiavshiesia izdaniia v SSSR i vo Frantsii. ["'Rabelais' in the 1940s: Failed Editions in the USSR and in

- France”]. *Bakhtinskii sbornik* [*Bakhtin Collection*], issue 5. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 76–80. (In Russian)
6. Khripkova, E.A. “Obshchie voprosy izucheniia goticheskogo stilia” [“General Questions of Studying the Gothic Style”]. *Elektronnaia nauchnaia biblioteka po istorii drevnerusskoi arkhitektury “Rusarkh”, 2008* [*Electronic Scientific Library on the History of Ancient Russian Architecture “Rusarch”, 2008*]. Available at: <http://www.rusarch.ru/khripkova1.htm> (Accessed 10 February 2019). (In Russian)

Дата поступления статьи: 23 октября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 23 июля 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 23 October 2021

Approved after reviewing: July 23, 2022

Date of publication: December 26, 2024